

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

01.07.2022

Холодная война тридцать лет спустя: (не)усвоенные уроки

США наращивают международную напряжённость, задавая контуры новой биполярности

№4 2022 Июль/Август

DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-170-177

ЛЕВ СОКОЛЬЩИК

Кандидат исторических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сокольник Л.М. Холодная война тридцать лет спустя: (не)усвоенные уроки // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 4. С. 170-177.

ОБЗОР

Упразднение Советского Союза, провозглашённое в декабре 1991 г. в Беловежской пуще руководителями России, Белоруссии и Украины, считалось благополучным (так как было мирным и не кровопролитным) окончанием не только истории единого государства на огромных пространствах Евразии, но и биполярной международной системы. В 1992 г. преобладало мнение, что метафора «конца истории» реализована, и дальше, как опасался её автор Фрэнсис Фукуяма, будет очень скучно.

События февраля 2022 г. перевернули мировую политику. Историческая эпоха, начавшаяся тогда, тридцать лет назад, завершилась. И теперь понятно, что в наступившую новую эру скучно не будет никому. Пережив непродолжительный по историческим меркам период доминирования одной державы, международный порядок вновь оказался в состоянии ускоряющейся перекройки с неопределённым финалом. В исследованиях всё чаще можно встретить оценку текущих изменений как нарастание новой блоковой конфронтации^[1], хотя с определением характера этих блоков есть затруднения.

В центре современного кризиса – состояние всей политико-экономической системы либерального капитализма. Рефлексия по поводу причин распада СССР представляет для нас интерес как попытка систематизации факторов, способных сыграть роковую роль в судьбе держав, ещё совсем недавно казавшихся бессмертными. Специальный номер журнала *“The National Interest”*, вышедший весной 1993 г. и целиком посвящённый осмыслению причин стремительного исчезновения Советского Союза, познавателен и применительно к его основной теме, и с точки зрения экстраполяции уроков того краха на сегодняшние тенденции. Тем более что авторы – ведущие политические мыслители страны, ставшей тогда неожиданным победителем в соревновании^[2].

Прямые кросстемпоральные аналогии всегда упрощают реальность, но всё же история – это память государств. И уроки имеют значение, если не в качестве прямых параллелей, то как основа для оценки всей методологии анализа. В журнале, который мы вспоминаем, предпринята одна из первых попыток систематического разбора причин и следствий дезинтеграции Советского Союза.

Авторы, представлявшие цвет американской советологии, не стали замыкаться на оценке произошедшего с СССР. Они постарались заняться и саморефлексией,

другими словами, увидеть в крахе противника себя и свои проблемы.

Представленные в обширном номере эссе касаются мотивов внутривнутриполитических трансформаций в Советском Союзе (Фрэнсис Фукуяма, Майкл Раш, Владимир Конторович, Чарльз Фэрбэнкс, Питер Реддауэй, Стивен Сестанович), провала американской советологии, не предсказавшей реформы Михаила Горбачёва (Ричард Пайпс, Майкл Малиа, Роберт Конквест, Уильям Одом, Питер Рутланд), дилеммы западных интеллектуалов, оказавшихся между крайностями антикоммунизма и анти-антикоммунизма (Сол Беллоу, Натан Глейзер, Ирвинг Кристол). Даже простое перечисление основных тем показывает, что все эти сюжеты вполне актуальны и для оценок современного состояния Запада.

Сам по себе выход сборника только в 1993 г. показывает, что нарастающая с середины 1980-х гг. динамика изменений в Советском Союзе и мире, которая приобрела лавинообразный характер на рубеже 1980–1990-х гг., во многом стала неожиданностью для американских учёных. За шоком первых лет последовал страстный поиск смыслов. В целом мнения исследователей разделились на две преобладающие группы. Одни были склонны к фатализму в анализе исторического опыта СССР и стремились доказать, что трагический финал советского проекта был предопределён в силу его внутренней и/или мировой эволюции. Но эти мыслители представляли скорее пессимистичное меньшинство. Немало исследователей вполне позитивно оценивали гипотетические перспективы Советского Союза, несмотря на внутривнутриполитические дисбалансы и снижение динамизма развития.

В многоаспектном процессе советского упадка эксперты усматривали различные доминанты. Фукуяма, подходя с либеральных позиций, заострил внимание на модернизации советского социума, которая вписывалась в общемировую тренд[3]. По его мнению, демократические семена дали всходы в различных сегментах советского общества: от интеллигенции до партийного аппарата. В свою очередь, кризис советской системы убеждений привёл к разрушению всей политической конструкции. В то же время автор концепции «конца истории» был вынужден признать, что решающую роль сыграли инициированные сверху реформы, которые открыли путь демократии, а не гражданская активность снизу. Не без основания философ заключал, что технократы стали «могильщиками коммунизма»[4].

Согласно Питеру Реддауэю, основной движущей силой перемен являлась как раз общественность[5]. Хотя заявила она о себе только на заключительном этапе «перестройки». Особенно рельефно её значение проявилось в ряде союзных республик, где подъём этнического национализма давал местным элитам повод для сепаратизма. В этом плане, по утверждению автора, советское руководство имело все основания для решительной борьбы с недовольством. Но базовые условия для негативного сценария создала всё-таки политика гласности. Питер Рутланд отмечает, что она обернулась против режима, особенно в контексте аварии на Чернобыльской АЭС[6]. Реддауэй настаивал, что, если бы на ранней стадии реформ инициативы генерального секретаря партии были нейтрализованы или его бы вовсе сместили, с большой долей вероятности страна продолжила бы существовать.

Оптимистично смотрел на жизнеспособность советской системы и Майкл Раш[7]. Он утверждал, что СССР на самом деле не испытывал системный кризис. Советский Союз вполне мог функционировать в состоянии ослабления сил ещё несколько десятилетий, но пал жертвой фатального стечения обстоятельств.

Идеология, хотя и утратила пассионарный запал, воплощалась в ключевых советских институтах.

Снижение ассигнований на оборону на 10–20 процентов, по его мнению, позволило бы направить ресурсы в пользу гражданского сектора и перезапустить экономику. При этом эксперт не уходит от констатации очевидных фактов. В 1980-е гг. страна, действительно, столкнулась с серьёзными вызовами стагнации экономики, разочарования широких масс населения, вездесущей коррупции. Триггером фатального исхода, с точки зрения Раши, стали опрометчивые решения руководства страны, которые подорвали идейные основы режима, ударили по авторитету партии и спровоцировали взлёт национализма на окраинах. Таким образом, ключевую роль в крахе СССР Раш отводит Михаилу Горбачёву и его радикальным реформам.

Отдавая должное негативным экономическим показателям как дестабилизирующему фактору, Владимир Конторович подчёркивал, что сами по себе они редко приводят к разрушению политической системы[8]. Плановое хозяйство испытывало хронические трудности, но слабо проработанные реформы окончательно подорвали его устойчивость. Они спровоцировали усугубление инфляции и дефицита, снижение уровня

производства и трудовой дисциплины. Однако эрозия политической власти, в его оценках, связана прежде всего с политическими решениями и началась с провозглашением гласности. Критический дискурс СМИ дискредитировал идеологические основы режима, что привело к краху всего государственного здания. В представлении Конторовича, убийственным для СССР стало сочетание экономического кризиса и непродуманной политики ЦК КПСС, причём последний аспект имел решающее значение.

В фокусе анализа Стивена Сестановича оказался дискуссионный вопрос, в какой степени внешнее давление стало катализатором внутривнутриполитических сдвигов в СССР^[9]. В его интерпретации международная обстановка в 1980-е гг. была для Советского Союза вполне спокойной. Напряжённость в отношениях с Западом скорее поддерживала его политическую систему, а сближение, наоборот, – ослабляло. Так, подписав Хельсинский акт в 1975 г., Кремль фактически принял в качестве принципа отношений с Западом защиту прав человека. При этом систематическое игнорирование обязательств, взятых по данному соглашению, планомерно подтачивало легитимность советской власти. Но главным фактором, приведшим к гибели страны, автор считал просчёты во внешней политике. Среди основных внешнеполитических ошибок он называет ввод войск в Афганистан, размещение ракет средней дальности в Европе, очередной виток гонки вооружений. Немаловажным аспектом, с точки зрения исследователя, стали иллюзии советского руководства в отношении с визави. В то время как «перестройка» в Советском Союзе набирала обороты, ослабляя режим, требования Запада становились всё жёстче. «После долгих раздумий СССР навёл оружие на себя», – резюмировал Сестанович^[10].

Оригинальный взгляд предложил Чарльз Фэрбанкс, который рассматривал историю СССР как серию из четырёх революций – Октябрьской, сталинской, хрущёвской, горбачёвской^[11]. Утверждая, что сущностью советской системы была революционная идеология, ключевую черту развития страны он усматривал в стремлении к саморазрушению. С этой точки зрения, коммунистический проект рано или поздно должен был потерпеть фиаско. «Перестройка» лишь ускорила тенденцию. Но справедливости ради автор отмечает, что идеология породила Советский Союз, служила для него организующим началом, формировала устремлённость в будущее его общества, поддерживала привлекательность страны на мировой арене. Натан Глейзер также подчёркивал, что холодная война была в первую очередь битвой ценностей^[12]. Отказ лидеров СССР от ключевых идеологических установок привёл к неминуемому поражению в противостоянии с Западом. В этом плане важным уроком для Соединённых Штатов, который стоило бы усвоить из советского опыта, по мысли Фэрбанкса, является должная оценка силы идей. Как и в Советском Союзе, в фундаменте США лежат убеждения.

Другим значимым предостережением для Америки, по общей мысли авторов выпуска, должен был послужить провал социальных наук в интерпретации мировых и советских процессов. Мир на глазах трансформировался, а привычные теории оказались бесполезны не только для выстраивания прогнозов, но даже для объяснения текущих событий. Тектонические сдвиги, с одной стороны, высветили «духовную нищету» профессионального сообщества, а с другой – стали импульсом для самоанализа. Признавая несостоятельность советологии, Уильям Одом препарировал такие её пороки, как доктринальность, предвзятость, тривиальный анализ, игнорирование очевидных тенденций^[13]. Ещё одним грехом экспертного сообщества он называл бесплодные попытки понять ситуацию, руководствуясь западными лекалами, в то время как СССР развивался по собственной логике. Рутланд ещё более определённо описывал проблему – банальная некомпетентность, незнание реалий, истории, языка страны изучения^[14]. Ответственность за когнитивные ошибки с представителями академических кругов разделили СМИ, которые широко тиражировали приятные взору общественности симулякры и клишированные схемы.

Параллельно с кризисом западной интеллектуальной элиты ряд исследователей прослеживал постепенный упадок всего общества США. Крёстный отец американского неоконсерватизма Ирвинг Кристол настаивал на том, что либералы, планомерно смещавшиеся в своих установках влево, оказывали разлагающее влияние на общественные устои^[15]. Он обвинял идейных оппонентов не столько в симпатиях к коммунизму и СССР, сколько в оправдании социального коллективизма и морального релятивизма в западных странах. Кристола особенно беспокоило то, что либеральная повестка неуклонно становилась всё более радикальной. С точки зрения лидера неоконсерваторов, Соединённые Штаты достигли поворотного момента в истории, поскольку, когда закончилась холодная война, началось настоящее противостояние внутри самих США. К нему они оказались «гораздо менее подготовлены <...>, гораздо более уязвимы»^[16].

Историческая отстранённость даёт возможность взглянуть на идеи мыслителей того времени в контексте актуальных вопросов дня сегодняшнего.

Вместе с реинкарнацией холодной войны в международную реальность вернулось военно-стратегическое, геополитическое и идеологическое соперничество, блоковое мышление, борьба за сферы влияния, гонка вооружений, угроза ядерной катастрофы.

На первый план общественно-политической жизни вышли вопросы кардинальных социальных и экономических преобразований, соотношения индивидуальной свободы и социальной ответственности, сильного политического лидерства и народного суверенитета. В немалой степени обозначенные тенденции являются следствием кризиса либеральной глобализации, а также проекцией на мировую политику внутри- и внешнеполитического кризиса США как её лидера.

Предшествующее столкновение Востока и Запада завершилось тем, что оружие добровольно сложил СССР, который фактически самораспустился. Кажется, поверив в неизбежность и необратимость своей победы в прошлой холодной войне, Запад намерен повторить ту же партию уже не только с Россией, которая в 2022 г. вернулась на позицию наиболее актуального противника, но и с Китаем. Однако карты крайне редко ложатся в столь удачный расклад несколько раз подряд. Для теории и практики международных отношений случай Советского Союза является, скорее, исключительным, чем закономерным. Об этом свидетельствуют плоды мирового развития за три десятилетия. Так, нагнетание США (при поддержке международного сообщества) политического и санкционного давления на Иран, Ирак, Северную Корею не привело к их демократизации, несмотря на колоссальную асимметрию потенциалов силы сторон. Напротив, наблюдается консолидация и внутривнутриполитическое укрепление нелиберальных режимов. Данная тенденция нередко толкала американцев к проведению политики военно-силового насаждения демократии в других странах.

Демократический интервенционизм, с одной стороны, укрепил убежденность альтернативных центров многополярного мира в жизненной необходимости поддержания своих оборонных возможностей. С другой, в немалой степени дискредитировал идейные основы внешней политики США и их лидерства в мире, а во внутривнутриполитическом плане обострил общественную поляризацию. И пресловутый «трампизм» – лишь видимая часть айсберга. Как представляется, противоречия достигли базовых устоев американского общества, которое теперь разъединено даже по вопросу конституционного устройства.

В ситуации ослабления мирового доминирования страны Запада – и прежде всего Соединённые Штаты – повышают внешнеполитические ставки. Они наращивают международную напряжённость, которая задаёт контуры новой биполярности. В этом противостоянии основной удар пока направлен на Россию.

События зимы–весны 2022 г. означали выход острейшего соперничества из завуалированной в открытую военно-политическую фазу.

Дважды пережив за последние сто лет трагический опыт утраты государственности и рассматривая текущее великодержавное соперничество как экзистенциальное для себя, Россия пытается усвоить уроки истории. Это в меньшей степени характерно для США. Парадокс либеральной империи стал проявлять себя всё более рельефно. Достигнув беспрецедентного мирового могущества, Соединённые Штаты столкнулись с нарастающим внутренним и внешнеполитическим ослаблением. А мечта неоконсервативных стратегов о реализации имперской идеи по иронии судьбы стала их кошмарным сном, в котором США проигрывают новую холодную войну сами себе.

Возвращение к искусству государственного управления

Элиот Коэн

Лица, принимающие решения, могут называть свои идеи большой стратегией, но им не следует придавать чрезмерного значения, ведь общие принципы ограниченно полезны, когда дело доходит до конкретной политики. Большая стратегия основана на упрощениях, а мир наш сложен.

Подробнее

СНОСКИ

[1] Karaganov S. The New Cold War and the Emerging Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 85-93.

- [2] The National Interest. 1993. Spring. No. 31. Special Issue: The Strange Death of Soviet Communism.
- [3] Fukuyama F. The Modernizing Imperative: The USSR as an Ordinary Country // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 10-18.
- [4] Ibid. P. 16.
- [5] Reddaway P. The Role of Popular Discontent // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 57-63.
- [6] Rutland P. Sovietology: Notes for a Post-Mortem // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 110.
- [7] Rush M. Fortune and Fate // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 19-25.
- [8] Kontorovich V. The Economic Fallacy // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 35-45.
- [9] Sestanovich S. Did the West Undo the East? // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 26-34.
- [10] Ibid. P. 30.
- [11] Fairbanks C.H. The Nature of the Beast // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 46-56.
- [12] Glazer N. Did We Go Too Far? // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 136.
- [13] Odom W. The Pluralist Mirage // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 99-108.
- [14] Rutland P. Sovietology: Notes for a Post-Mortem // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 112.
- [15] Kristol I. My Cold War // The National Interest. 1993. Spring. № 31. P. 141-144.
- [16] Ibid. 144.

**#внешняя политика сша #мировой порядок #обзор #политология #россия-сша #сша
#теория международных отношений #холодная война**